

ОТЗЫВ

**члена диссертационного совета на диссертацию
Платоновой Натальи Вячеславовны на тему: «Материально-правовое значение
процессуального поведения лица, участвующего в деле», представленную
на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной
специальности 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки**

Актуальность избранной темы диссертационной работы несомненна, что вызвано несколькими ключевыми причинами. Во-первых, в теории цивилистического процессуального права наличествует «каноническое» правило о том, что нераспорядительные действия, совершаемые участниками судебного производства, являются юридическими фактами, которые порождают последствия, не в области регулятивных, а охранительных правоотношений. И это само собой разумеется, поскольку все, что касается *jus dispondendi* так или иначе вытекает из материальных правоотношений и детерминировано ими, и наоборот. Во-вторых, тем не менее, гражданское законодательство в его широком понимании в отдельных случаях само конституирует взаимосвязь между указанными действиями и материально-правовым результатом (в конечном счете, согласно ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают в том числе из судебного решения, которое базируется на процессуальном функционировании заинтересованных лиц). В-третьих, судебная практика временами идет дальше законодателя, отвечая на жизненные запросы людей и потребности социума. Сегодня в правоприменительных документах нечасто, но можно обнаружить отдельные суждения представителей Фемиды по поводу материально-правовых консеквенций нераспорядительных процессуальных действий лиц, участвующих в деле (стр. 4-5 дисс.).

Общая структура диссертации логична, она отвечает выбранным **объекту и предмету исследования**, которые полно и детально раскрыты соискателем, что подтверждается положениями, выносимыми на публичную защиту.

Степень обоснованности научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, следует признать достаточной. В частности, теоретическую основу исследования составили многочисленные научные труды видных отечественных и зарубежных ученых. В библиографическом списке присутствует 152 литературных источника, среди них фундаментальные индивидуальные и коллективные монографии, а также публикации в периодических изданиях.

Методологическую основу работы образуют общенаучные методы (системно-структурный, аналогии, различные логические приемы: анализ, синтез, индукция, дедукция и др.), а также специальные методы юридического исследования (сопоставительный, экстраполяции, формально-юридический и др.).

Достоверность и новизна научных положений и выводов подкрепляется должной апробацией, в рамках которой диссертант принял участие с докладами в научно-практических конференциях, среди прочего международного уровня. Кроме того, опубликовано 4 статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования России для опубликования основных научных результатов диссертации, что придает работе репрезентативную объективность.

Научная новизна исследования заключается в том, что в результате проведенного анализа автором синтезированы и обоснованы теоретические основы материально-правового значения процессуального действия лица, участвующего в деле, а именно касательно: возможности совершения гражданско-правовой сделки посредством нераспорядительного процессуального действия; существования права на возмещение вреда, причиненного таким действием; содержания и свойствах гражданского правоотношения, возникающего по поводу обязанности стороны совершить процессуальное действие. Наиболее важные элементы научной новизны соискателем более подробно изложены в 7 положениях, выносимых на защиту, которые тесно соотношены друг с другом, свое полное отражение они находят в тексте самой диссертации.

Прежде всего в качестве оригинального нужно оценить авторский посыл о том, что существование материально-правового эффекта процессуальной деятельности может быть признано удовлетворительным лишь в том случае, если признать, что действие участника процесса порой способно представлять из себя юридический факт материального права (стр. 24-25 дисс.). В этой связи Н.В. Платонова приводит скрупулезный разбор многообразных теоретико-прикладных точек зрения о правовой природе цивилистического процесса, которые в разное время были высказаны в специализированной печати, начиная с довольно давней – судебный процесс есть продолжение развития материального права, но в нарушенном или оспоренном его состоянии (подотрасль материального права – исковое право); и заканчивая содержательно прямо противоположной – такой процесс есть полностью обособленная правовая институция, судьбу которой материальное право отнюдь не предопределяет (стр. 14-56 дисс.).

Диссертант, высказывая собственное мнение по означенному выше вопросу, отмечает, что многие ученые рассматривали и продолжают рассматривать процессу-

альные действия лиц, участвующих в деле, в контексте корреляции материально-правовой и процессуальной материи. Между тем, почти все они, как правило, исходят из следующего аргумента: до тех пока судебное решение не вынесено и не вступило в законную силу, процессуальные действия лишь содействуют отправлению правосудия и не сверх того. Диссертант предлагает обратную новаторскую парадигму: «Подчеркнем, однако, – материально-правовой эффект процессуальной деятельности имеет место непосредственно по совершении процессуального действия, и потому не зависит от того, имело ли место по делу итоговое решение, и не может быть ограничен пределами конкретного процесса» (стр. 31 дисс.).

Приведенный вывод, безусловно, нетривиален, но как логическое продолжение в параметрах материально-правового дискурса, суть которого со всей полнотой проявляется в небезызвестных спорах, сопряженных с основными концепциями иска, которые в свою очередь генетически ведут свою длительную родословную от полемики вокруг «jus» – «actio» либо «actio» – «jus». Формат отзыва не предполагает обо всем этом досконально рассуждать, поэтому лишь приведем альтернативные слова Бернхарда Виндштейда, относящиеся к указанной полемике, из его образцовой работы «Actio римского гражданского права с точки зрения сегодняшнего права» (1856 г.): «Можно иметь actio, не имея самого права, и не иметь actio, когда у лица есть право. Таким образом, даже в том случае, когда actio и право сходятся воедино, когда actio основано на признании права, нельзя, если быть точным, сказать о том, что actio существует посредством материального закона»¹.

Далее, обращают на себя внимание аутентичные авторские доводы о том, что всецело договорная природа ответственности продавца за эвикцию не лишена недостатков. Главный из них, по соображениям Н.В. Платоновой, заключается в том, что теория ответственности за непередачу собственности сфокусирована исключительно на материально-правовой компоненте, т.е. правовая суть ответственности за эвикцию описывается вне процессуального контента. В связи с этим читающим предлагается мыслительный эксперимент: представим себе, что продавец, не привлеченный к участию в деле, в последующем споре с покупателем, хотя и не доказал свое право собственности, сумел обосновать, что изъявшее вещь третье лицо собственником тоже не являлось, и, если бы продавец принял участие в деле, то он смог бы это доказать. Исходя из действующей теории ответственности за непередачу собственности, продавец обязан возместить покупателю убытки, но это противоречит ст. 462 ГК РФ (стр. 66 дисс.).

¹ В оригинале: «Man kann eine actio haben, ohne ein recht zu haben, und keine actio, wenn einem ein recht zusteht. Also darf man auch in dem falle, wo actio und recht zusammen find, wo die actio gerade auf anerkennung des rechtes geht, wenn man genau sein will, nicht sagen, daß die actio durch das recht da sei».

В приведенном резюмировании присутствует здоровое зерно, коль скоро это позволяет выявить всю цепочку юридически значимых действий, установить истинные сведения о фактах возникшего юридического казуса, а также обнаружить индуцированное корреспондирование материально-правовых и процессуальных отношений.

Вместе с тем *evictio* в классическом римском понимании – это правило о лишении владения, в соответствии с которым, если продавец, не являющийся законным собственником вещи, отчуждает ее, то именно он несет ответственность перед покупателем при истребовании вещи законным владельцем.

В наши дни конструкция эвикции воспроизведена в ст. 461 и 462 ГК РФ: при изъятии товара у покупателя третьими лицами по основаниям, возникшим до исполнения договора купли-продажи, продавец обязан возместить покупателю понесенные им убытки, если не докажет, что покупатель знал или должен был знать о наличии этих оснований.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» дополнительно разъясняется, что если виндикационный иск собственника удовлетворен, покупатель чужого имущества вправе обратиться в суд с требованием к продавцу о возмещении убытков, причиненных изъятием товара, но только лишь по обстоятельствам, возникшим до исполнения договора купли-продажи. При этом к участию в деле по иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения привлекается лицо, которое передало спорное имущество ответчику (в частности, продавец этого имущества). Непривлечение покупателем продавца к участию в таком деле освобождает последнего от ответственности перед покупателем, если продавец докажет, что, приняв участие в таком деле, он мог бы предотвратить изъятие проданного товара.

Более того, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» subsidiarily констатируется, что в ходе рассмотрения требования покупателя к продавцу о возврате уплаченной цены и возмещении убытков, причиненных в результате изъятия товара у покупателя третьим лицом по основанию, возникшему до исполнения договора купли-продажи, общие директивы о последствиях недействительности сделки применению не подлежат.

Словом, это означает, что само по себе удовлетворение виндикационного иска третьего лица к покупателю товара не нивелирует добровольные договорные отношения между покупателем и продавцом товара, т.е. они в полной мере сохраняют свою

vindico, то у продавца не может быть никакой «особой обязанности из договора купли-продажи, а именно – обязанности вступить в дело на стороне покупателя и осуществить эффективную защиту его права» (стр. 67 дисс.), как утверждает диссертант. Напротив, добровольность договорных отношений презюмирует, что участвующая в них сторона (hic et nunc продавец) по собственному усмотрению решает осуществить их принудительную судебную защиту или нет; к отношениям, объединяющим третье лицо и покупателя, продавец касательства не имеет. Следовательно, никто из лимитированного круга субъектов – будь-то владеющий несовладельник, невладеющий собственник или орган правосудия – не может понудить продавца вступить в судебное производство без его положительно выраженной воли.

Единственно верным выходом из сложившейся ситуации видится разделение материальных правоотношений на две группы: первичные или те, которые коммутируют третье лицо и покупателя; и вторичные, образующие правовую корреляцию между продавцом и покупателем. Ex tempore продавец под угрозой предъявления к нему притязаний о возмещении понесенных покупателем убытков может вступить в дело в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, но до принятия судом первой инстанции итогового постановления, т.к. оно способно повлиять на его права и обязанности относительно одной из сторон (риск создает потенциальное удовлетворение виндикационного иска, охватывающего эвикционный иск).

Наряду с этим, имплементация продавца в цивилистический процесс допустима по инициативе лиц, участвующих в деле, а также вследствие реализации судебных полномочий ex officio. Молчание первых нейтрализует ответственность продавца за эвикцию. Если они выказывают свою активность в виде привлечения его к участию в деле, но продавец уклоняется от этого, то он лишается права доказывать патологию действий покупателя (ст. 462 ГК РФ), что вполне резонно для подлинной состязательной формы. В свой черед нереализация судом полномочий ex officio особенно важна в аспекте требований п. 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, нарушение которых влечет за собой безусловную отмену вынесенного решения, поскольку оно принято о правах и обязанностях лица, не привлеченного к участию в деле, что подтверждается актуальной практикой¹. При ином развитии событий сам по себе факт предположения об исходе судебного разбирательства с учетом того, что «продавец приняв участие в деле,

---

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 сентября 2018 г. № Ф07-10262/2018 № А56-85862/2017; апелляционное определение Приморского краевого суда от 2 февраля 2022 г. № 33-1146/2022 и др.

он мог бы предотвратить изъятие проданного товара у покупателя» (ст. 462 ГК РФ), не может служить основанием для отказа в иске¹.

Стало быть, процессуальное поведение всех описанных выше субъектов при применении ответственности за эвикцию имеет материально-правовые последствия только через призму вынесенного судом решения, а также программирует его вероятную nullificatio, т.к. процедурные нарушения были столь существенными, что повлекли за собой уничтожение разбирательства в суде первой инстанции. Конечно, можно парировать: молчание покупателя «нейтрализует ответственность продавца за эвикцию». Но объективно это ничего не меняет – такое молчание все равно фиксируется в мотивировочной части вердикта органа правосудия, а потому опосредуется им, т.е. его нельзя расценивать как *silentium est signum consensus ad paciscor*.

Продолжая развивать тему, связанную со значением процессуального поведения лиц, обладающих личной заинтересованностью, целесообразно разделить мнение диссертанта о том, что оно способно выступать основанием возникновения деликтного обязательства (стр. 117-145 дисс.). В частности, в силу ст. 146 ГПК РФ ответчик после вступления в законную силу судебного решения, которым в иске отказано, вправе адресовать требование о возмещении убытков, причиненных ему мерами по обеспечению иска, принятыми по просьбе истца. Синхронно в п. 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» поясняется, что соответствующее требование может быть предъявлено не только к истцу, но и прочим лицам, если обеспечительные меры были введены по их ходатайству.

Наравне с этим иногда возникают деликтные обязательства и у государства вследствие процессуального поведения органа правосудия, которое отклоняется от заранее заданной нормы. Так, руководствуясь ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» граждане и организации, являющиеся в судебном процессе сторонами или заявляющими самостоятельные требования на предмет спора третьими лицами, могут претендовать на надлежащую компенсацию.

Интерпретируя положения названного закона, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения п. 5 ч. 1 ст. 244.6 ГПК РФ в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева» ска-

---

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 23 января 2023 г. № 305-ЭС22-17862 № А40-167835/2021 и др.

зал следующее: тем самым законодатель установил особый – вспомогательный к общегражданскому порядку возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов, в том числе судов, – механизм защиты прав на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство, поэтому присуждение компенсации не препятствует возмещению вреда с опорой на ст. 1069 и 1070 ГК РФ.

Очевидно, что приведенные частные случаи демонстрируют то, что процессуальные поступки субъектов провоцируют определенные материально-правовые последствия исключительно тогда, когда это прямо закреплено действующим законом (sic) и не более того. Лишь это приводит в действие разные виды специальных гражданско-правовых деликтов, которые имеют упрощенный (отсутствие вины) или усложненный состав (учет фактора экономии времени), при детектировании коего наступает юридическая ответственность посредством возмещения убытков или присуждения компенсации.

В связи с этим, в целом поддерживая авторскую интенцию, обосновывающую процессуальное поведение как основание возникновения деликтного обязательства, тем не менее, не согласимся с универсальностью вербализованного вывода: «действие участника процесса, даже если оно совершено в полном соответствии с требованиями процессуального закона, способно являться противоправным с точки зрения норм материального гражданского права» (стр. 12 дисс.). Покажем обратное. К примеру, право на предъявление иска изначально не может быть охарактеризовано в системе понятий «противоправное» или «непротивоправное» (как это делает соискатель (стр. 176 и др. дисс)), т.к. с его помощью материализуется право более высокого порядка – конституционное право на судебную защиту. Думается, в волевом акте конкретного лица максимум, что можно распознать, так это злоупотребление правом на иск в его процессуальном смысле (скажем, когда сначала лицо заявляет иск об обязанности ответчика к действию, а после отказа в удовлетворении такого требования, предъявляет *actio negatoria* к ответчику и третьему лицу, что *de facto* «направлено на преодоление судебных актов по другим делам и обход юридических последствий»¹).

Следует подчеркнуть, все высказанные замечания находятся в координатах открытой дискуссии и прямо пропорциональны выбранной доктринальной оптике, что а priori не влияет на общую положительную оценку проведенного исследования и не ставит под сомнение его теоретическую и практическую значимость, тема диссертантом раскрыта последовательно и всесторонне, содержание работы полностью отвечает научной специальности.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 октября 2015 г. № 309-ЭС15-6673 № А60-25477/2013 и др.

Вывод: на основании изложенного следует заключить, что представленная диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, связанной с развитием современного цивилистического процессуального права в сфере вопросов материально-правового значения процессуального поведения лица, участвующего в деле.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация Платоновой Натальи Вячеславовны на тему: «Материально-правовое значение процессуального поведения лица, участвующего в деле» соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным Приказом от 19 ноября 2021 г. № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», и может быть рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой арбитражного
процесса, адвокатуры и нотариата
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Саратовская
государственная юридическая академия»

Афанасьев Сергей Федорович

Почтовый адрес организации:

410056, г. Саратов, ул. им Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3

Веб-сайт <http://www.sgюа.рф/ru/>

Тел.: + 7 (452) 29-90-37

Адрес электронной почты: k_arb@ssla.ru

10.12.2024 г.

